

Ли У никогда не отправлял Сюй Яньли в чёрный список. Как-никак, тот оставался единственным, кто не донимал его, не устраивал сцен и не зажимал в угол.

Сюй Яньли даже сам спросил, не стоит ли связаться с тем сватским агентством, чтобы убрать всплывшие ни с того ни с сего старые снимки.

— Это на что-то повлияет? — переспросил Ли У.

— Едва ли, — спокойно ответил Сюй Яньли.

И то правда. Каша уже заварилась, одной фотографией больше, одной меньше — какая разница?

Он по-прежнему держался всё так же отстранённо и холодно, будто ему вообще всё равно, что там с Ли У, и с бывшим супругом всегда можно договориться по-человечески.

Вот только от этого брака он почему-то не отступался до последнего.

Ли У насквозь видел троих остальных, а вот Сюй Яньли оставался для него непроницаемой загадкой.

Познакомились они и впрямь совсем молодыми. Было между ними время трепетной, нежной влюблённости.

Ли У только-только окончил институт, вникал в работу, терпел самодурство начальства да козни коллег. Копящиеся обиды он без остатка выплёскивал на Сюй Яньли.

А тот всегда выслушивал сполна, с ледяным хладнокровием, после чего по полочкам раскладывал, как поступить. Все эти хитросплетения офисных интриг, от которых Ли У тошнило, Сюй Яньли щёлкал как орехи и решал за него от и до.

Немудрено, что Ли У так цеплялся за него — казалось, на всём белом свете нет беды, с которой Сюй Яньли не смог бы сладить.

Бывали дни, когда во взгляде Сюй Яньли проступала неопишуемая ласка; он обнимал Ли У за талию изящными длинными пальцами, притягивал к себе и, наклонившись, шептал прямо в губы ласковые глупости.

Их свадьба прошла скромнее некуда. Настоящего торжества не устраивали: оба сироты при живых родителях, родни не набралось бы и на один приличный стол. В итоге раздали знакомым по горсти свадебных сладостей — вот и весь праздник.

Но Ли У тогда казалось, что всё это мелкие условности.

Семейная жизнь тоже ладилась. Ли У по большей части соглашался с мужем, проявлял мягкость, уступал и никогда не лез на рожон.

А потом они расстались. Сюй Яньли просто повернулся и ушёл, оставив после себя лишь холодную, неприступную спину. Ли У был слишком юн, дорожил собственной гордостью и лелеял смутную надежду, что всё не может кончиться вот так глупо. Покинутый, он так и не набрался смелости броситься вслед и спросить: «За что?».

Ли У понимал, что его скромная персона не принесёт никакой пользы карьере Сюй Яньли, и счёл, что у того давным-давно свои виды на будущее.

И как бы ни рвалось сердце от боли, он отступил.

Лишь изредка в памяти всплывал образ: Сюй Яньли стоит в одиночестве на балконе с сигаретой. Статный, прямой, точно сосна, а в профиле — непривычная, едва ли не беспомощная усталость.

Сюй Яньли никогда не жаловался. Какая бы беда ни стряслась, он молча тянул эту лямку, не обронив ни слова.

За окнами их квартиры бушевала городская жизнь, горели неоновые огни, но Ли У казалось, что вся накопившаяся горечь Сюй Яньли осела именно здесь, в этом глухом и промозглом углу.

Они ведь так подходили друг другу, были так счастливы! Но эта идеальная сказка рассыпалась, словно горсть сухого песка, утекающая сквозь пальцы.

Лишь на днях, случайно наткнувшись на материалы по делу об утечке Пограничного торгового соглашения многолетней давности, Ли У узнал, что Сюй Яньли тогда написал сразу несколько предсмертных записок. Сопоставив даты, Ли У спустя четыре года вдруг осознал всю подоплёку.

Но под каким бы благовидным предлогом ты ни отталкивал любимого человека, это всё равно поступок труса.

— Сюй Яньли... — раздался в динамике голос Ли У. — Ты не мог бы сам отступить?

От чего именно? Он не стал уточнять. Имелся в виду и сам брак, и их бесконечные, давно запутавшиеся отношения.

На том конце провода воцарилась тишина.

Ли У так и не смог заставить себя сказать что-то по-настоящему жестокое. Он просто не устроен так, и Сюй Яньли знал это лучше всех.

Ли У физически не умел причинять боль. Даже рассердившись, он мог разве что похлопать глазами, а через пару минут остывал сам по себе.

И вот этот его растерянный, наивный взгляд всегда пробуждал в мужчинах непреодолимое желание сгрести его в охапку, спрятать от всего мира и никому не отдавать.

Поэтому он и не мог сделать выбор. Любое решение неизбежно ранило кого-то из них.

Сюй Яньли подумал: он отпустил этого бумажного змея на несколько лет, позволяя тому метаться по ветру. Но теперь нить снова оказалась у него в пальцах. С какой стати ему её выпускать?

— Связь барахлит, — спокойно бросил он, будто ничего не случилось. — Что ты сказал?

Ли У сжал трубку, чувствуя, как внутри закипает комок самых противоречивых чувств. Этот гад явно сделал это нарочно!

Ли У уже собирался сбросить звонок, как Сюй Яньли заговорил вновь:

— Знаешь, почему Шан Шисю так и не посмел официально объявить о вашем браке? Почему прятал тебя, точно постыдную тайну? Потому что у него поджилки тряслись. Он до смерти боялся, что сто́ит тебе хоть раз увидеть меня — и ты уйдёшь, даже не оглянувшись.

Он ненадолго умолк, точно взвешивая слова или вспоминая что-то неприятное:

— Я долго заставлял себя ничего не слушать о тебе. А он убеждал меня, будто ты просто уехал развеяться.

— Ли У, я слишком хорошо знаю, как ты ненавидишь выбирать, — голос Сюй Яньли смягчился, но властные нотки стали лишь отчётливее. — Так что тебе и не придётся. Я сам, собственными руками... вышвырну их по одному. А тебе нужно лишь спокойно оставаться со мной. Навсегда.

Ли У чувствовал, что ни с одним из этой четвёрки невозможно вести нормальный, равный диалог.

Понятное дело, он видел их достоинства, вот только дурные черты вылезали наружу с той же неизбежностью.

Деспотичное самомнение и жажда контроля у Сюй Яньли; соловьиные трели и пустые обещания Шан Шисю; мрачная, удушающая одержимость Цзян Мочжу; да ослиное упрямство Ци Иньхуая, привыкшего переть буром сквозь любые стены.

Ли У с удовольствием провалился бы сквозь землю прямо сейчас. Лишь бы не принимать решений и не выбирать между этими четырьмя психами.

Двумя днями позже до Ли У наконец вновь достучался Цзян Утун.

— Я всё понял, — спокойно произнёс Ли У в трубку.

Цзян Утун уж было подумал, что тот окончательно определился с кандидатурой.

Кто же знал, что Ли У с видом умудрённого опытом философа изречёт:

— Адам Смит писал, что практически во всём действует «невидимая рука рынка» и никакое вмешательство извне не требуется... Выходит, и мне выбирать совсем не обязательно. Всё-таки Великий Мудрец!

Цзян Утуну захотелось с размаху швырнуть телефон об стену. Промышляешь саботажем и оттягиваешь момент — так и скажи! На кой черт прикрываться классиками политэкономии?!

— И ты уверен, что не пожалеешь, когда придётся подчиниться решению суда? — уточнил он.

Ли У же откликнулся тоном полнейшей апатии, включив режим «вяленой рыбы»:

— Мне как раз нужен муж... Эти четверо, если присмотреться... Сойдут за одного, так уж и быть.

Цзян Утуну сразу вспомнились слова, которыми Ли У некогда с лёгкостью охарактеризовал бывших: «Любил. Все красавчики. Ко мне относились... да вроде нормально».

В пару небрежных фраз уместилось всё его бурное прошлое.

Местные кумушки во дворе наконец переключились на другие темы и перестали перемывать ему косточки.

Однако передышка длилась недолго. Пару дней спустя Ли У спокойно возвращался домой с пакетом овощей из лавки и прямо у подъезда наткнулся на того, кого здесь быть точно не должно.

Шан Шисю стоял при полном параде: сногшибательный костюм подчёркивал статную фигуру, а в руках алел пышный букет роз. Небрежным жестом смахнув упавшую на лоб прядь, он неторопливо, с горделивой грацией вальяжно двинулся навстречу. На его губах играла сногшибательная улыбка:

— Если гора не идёт к Магомету, Магомет идёт к горе! У-у, скучал по мне все эти дни?

Ли У лишь механически поправил на носу тёмные очки и, сделав вид, будто перед ним пустое место, ускорил шаг.

Шан Шисю ещё даже не договорил заготовленную тираду, а объект его страсти уже прошествовал мимо. Недолго думая, он крутанулся и прилип к Ли У точно банный лист, воркуя прямо на ухо:

— У-у, а если я скажу, что меня сюда привело чистое телепатическое притяжение сердец, согласишься?

Ли У молчал, мысленно проклиная всё на свете.

Не дождавшись ответа, Шан Шисю невозмутимо продолжил трещать:

— Не переживай, вопрос с матушкой я уладил от и до. Ты же помнишь, её пару лет назад климнуло на теме внуков. Так вот, я сдал ей на воспитание двоюродных двоюродняшек-двойняшек на пару дней. Теперь её от одного слова «дети» начинает корчить!

— А уж с этими снимками... — он потянулся ближе, понизив голос до интимного шёпота, — я пострадал ни за что ни про что, прямо как невинный агнец! У меня же на лобном месте, на каждом миллиметре тела выжжено клеймо «Собственность Ли У»... Если не веришь, можешь сегодня ночью устроить полный досмотр.

Ли У промолчал и в этот раз, лишь глубже вжав голову в плечи.

Изливая поток сладких соплей, Шан Шисю совершенно естественным жестом перехватил пакет с продуктами, заглянул внутрь, и его глаза вспыхнули радостным огнём:

— Дорогой! Ты всё-таки помнишь, как я обожаю редьку! Я всё ещё твой любимчик, правда? Давай я прямо сейчас сгарганю нам ужин и покажу всё, на что способен?

Ли У не выдержал и одарил его взглядом в духе «ты совсем сдурел?»:

— Редьку? Да ты же кроме говядины вообще ничего не жрёшь!

Шан Шисю тут же расплылся в довольной, хитрой ухмылке:

— У-у! Ты и впрямь помнишь!

Ли У готов был собственными руками выдрать себе язык.

Они прошли ещё пару сотен метров, как за поворотом перед ними вырос мускулистый силуэт на рычащем тяжёлом байке.

Ци Иньхуай лихо затормозил, перекинул длинную ногу через сиденье и, сдёрнув шлем, зажал его под мышкой. Чёрный кожаный экип подчёркивал поджарую фигуру, а во взгляде горел опасный, хищный огонёк.

Встретились два одиночества — хоть сразу в бой!

Ци Иньхуай рассчитывал простенько: если Ли У к нему не идёт, значит, он сам навестит его!

И надо же было сразу уткнуться рожей в эту ненавистную физиономию!

Шан Шисю снисходительно изогнул бровь:

— О, кого я вижу, Молодой господин Ци! Извини уж, но у нас с У-у сегодня романтический ужин. Так что дуй отсюда, откуда припёрся.

Ци Иньхуай издал желчный смешок:

— Слышь, Шан Шисю, у тебя совесть есть? Бывший муж, выброшенный на свалку, ещё смеет тут качать права?

Лицо Шан Шисю мигом перекосило:

— Да когда мы с У-у клялись друг другу в вечной любви, ты ещё квадратные уравнения в школе зубрил, сопляк! Желторотый щенявка, с чего ты взял, что имеешь право тут тявкать?!

Ци Иньхуай презрительно фыркнул, глядя на него со всепоглощающим сарказмом:

— Да ты просто старик, и нашёл чем гордиться.

Шан Шисю тут же вцепился в оговорку:

— Ну надо же! Во-первых, У-у — мой ровесник. Ты что, намекаешь, будто и Ли У старик?! У-у, ты слышал? Этот мелкий совсем обнаглел, на него вообще нельзя положиться!

Ци Иньхуай мгновенно изменился в лице и выпалил в панике:

— Не мели чуши! Я вообще не это имел в виду!

Он резко повернулся к Ли У, разрываясь от досады:

— Ли У! Не слушай ты этого идиота!

Ли У прижал руку к виску — голова раскалывалась. «Уже двое...» — тоскливо подумал он.

Не обращая внимания на разгорающуюся за спиной ругань, он надвинул очки и прибавил ходу, свернув к подъезду.

— У-у! Подожди меня! — крикнул вслед Шан Шисю.

— Шан Шисю, если ты не отвалишь от Ли У, я тебя на месте прибую, — рыкнул Ци Иньхуай, устремляясь за ними.

Шан Шисю ядовито ухмыльнулся:

— Чья бы корова мычала! Кто там умолял Ли У жениться? Мужик, который сам на шею вешается — грош ему цена, в курсе?

В глазах Ци Иньхуая закипел ледяной гнев:

— Ну всё, ты допрыгался!

И прямо в этот момент у подножия лестницы показалась ещё одна фигура. У стены, засунув руки в карманы тёмного плаща, прислонился молодой мужчина с мрачно-отстранённым видом. Доктор Цзян Мочжу.

Он поднял глаза на Ли У и негромко бросил:

— Привет, детка.

Взгляд Цзян Мочжу перескочил на парочку за спиной Ли У, и губы искривились в ехидной ухмылке:

—... Ого, у вас тут целое собрание.

Троица обменялась убийственными взглядами. На секунду наступила мёртвая тишина — натянутая, как струна.

Благо лифт в доме оказался весьма просторным.

Ли У стоял посередине с каменным лицом. А в душе мечтал только об одном: всыпать каждому по пинку и спустить всю троицу в шахту.

Но...

Двери лифта плавно раздвинулись, и на площадке образовался Сюй Яньли во всём своём величии: отглаженный с иголки костюм, безупречная осанка. Проигнорировав присутствующих, он сфокусировал взгляд исключительно на Ли У и едва заметно вскинул бровь:

— Собрался сам готовить?

Ну кто бы сомневался! Вот и четвёртый.

Для Шан Шисю и Сюй Яньли встретиться здесь было равносильно взрыву пороховой бочки. Сюй Яньли тем временем не спеша окинул взглядом Шан Шисю, перевёл его на Цзян Мочжу и зафиксировал на Ци Иньхуае. В его глазах мелькнуло искреннее, глубокое презрение.

Троица ответила ему не менее ласковыми взглядами.

«Индюк надутый», — подумал Шан Шисю.

«Святоша хренов», — констатировал Цзян Мочжу.

«Опять этот песок из старой перечницы сыплется... (Ли У, само собой, не в счёт)», — мысленно огрызнулся Ци Иньхуай.

Какой чёрт занёс сюда всю эту камарилью? Высадка десанта, не иначе.

Ли У с абсолютно каменной миной протиснулся сквозь строй мужчин, вставил ключ в замок и перед тем, как захлопнуть дверь, ровным, безэмоциональным голосом произнёс:

—... Вы тут пообщайтесь, а я пойду. Если надумаете махать кулаками — умоляю, не залейте мне кровью порог и не шумите, соседей перепугаете. Мне эта квартира нравится, я тут жить планирую.

<http://bllate.org/book/19923/1992688>